

Процесс Историче- ского музея в 1945–1946 гг.

Сирье Аннист

Новым работникам Исторического музея всегда рассказывают в качестве устного предания историю о том, как из первого послевоенного состава арестовали 15 человек – руководство, весь научный персонал и некоторых подсобных рабочих: 8 мужчин и 7 женщин, которых признали виновными в попытке организовать при помощи собранного в музее оружия и запрещенной литературы ни больше ни меньше как вооруженное восстание для свержения советской власти в ЭССР. Во второй половине 1950-х гг. 11 из них вернулись из ссылки и лагерей (один в лагере погиб, один умер сразу после возвращения, двое после процесса получили маленький срок и были амнистированы). Только теперь, когда исчезла подцензурная переписка, стало возможно свободно обсудить и попытаться предположить, как и почему настигла их карающая рука советской власти. В ходе так называемого доследования власти вынуждены были признать, что произошло «грубое нарушение социалистической законности», дело вновь подняли и участников процесса реабилитировали («за недостатком улики»), но самую иррациональную схему судебного процесса каждый из них должен был осмыслить сам. По сравнению с десятилетними сроками ли-

шения свободы восьми участников процесса, назначенное директору музея Лейде Лооне трехлетнее наказание, которое по окончании войны подпало под амнистию 7 июля 1945 г., выглядит странно. Царило общее убеждение, что весь процесс был сконструирован именно директором. Находясь на свободе, Лооне заняла руководящий пост в Институте истории и имела репутацию шпионки. Для своих прежних коллег она была пустым местом, даже на ее приветствие отвечали не все.

Источники

Приступая к исследованию темы, я попыталась прежде всего выяснить, как конструировались подобные процессы. Архивы музея свидетельствуют, что с конца апреля до середины июля 1945 г. оттуда исчезли все документы по штатам. Составленные задним числом и без всяких пояснений приказы об увольнении имеются только на руководство, их составлял Наркомат просвещения, которому приходилось увольнять прежнего работника, чтобы поставить нового; документов остальных работников просто не существует, что характерно для того времени. «Дело Исторического музея» сохранилось в архиве КГБ и хранится под шифром: фонд 129, опись 1, дело 18–384. «Дело» состоит из пяти толстых папок в 200–300 листов; критически рассматривая материал, можно получить представление о произошедшем... Следует сразу оговориться: хотя документов много, имеется немало пробелов. Протоколы допросов оформлялись не всегда или же они пропали, относящийся к одному эпизоду материал разбросан по всем папкам. Поэтому довольно трудно отследить, как следователю удалось сплести воедино свою паутину. Часть материалов, которые могли бы многое прояснить, официально уничтожена. Так, в ходе доследования 1957–58 гг. сообщается, что с ликвидацией Внутренней тюрьмы (ул. Пагари) был уничтожен и ее архив, касающийся состава камер и внутренней жизни тюрьмы.¹ Среди

¹ Филиал Государственного архива Эстонии (ERAF), ф. 129, оп. 1, д. 18-384, л. 275.

оперативных материалов 2-го отдела КГБ еще в 1958 г. было дело номер 6738, в котором начало процессу Исторического музея (ИМ) положили доносы «источника», или филера, но сейчас его уже нет. К счастью, имеется резюме,² но именно в уничтоженной папке были протоколы первых допросов арестованных, которые в резюме только перечисляются. Некоторые обстоятельства проясняют материалы по арестантам, напрямую с процессом ИМ не связанным (Тальвик, Тарвель, Моора, Паюс). Учитывая все эти обстоятельства, можно с определенной степенью достоверности получить обзор событий по делу ИМ.

Прежде чем начать рассмотрение событий в музее с осени 1944-го до весны 1945 г. и «технологии» процесса, я хотела бы немного отойти от темы и охарактеризовать до странности аналогичный судебный процесс.

Процесс 1943–44 г. в Таллинском Малом театре

Этот процесс коротко рассматривал в своем докладе Аксель Кюнгас,³ упоминает о нем и А. Роолахт.⁴ Это была словно бы репетиция «трагедии-фарса» (определение Я. Кросса в «Раскопках») Исторического музея, которая демонстрировала, как всего год спустя другой процесс завершился для его участников гораздо более жесткими мерами и как изменилось само общество. В советской правовой системе не действовали принципы прежних сообществ – заступничество друг за друга, знание, что с тобой будут обращаться в соответствии с определенными правовыми нормами, что человек имеет право на защиту. В 1943 г. также действовала тоталитарная система, отрицающая правовые нормы. Хотя «от разбойника нас спас разбойник», как пелось в песне тех лет, в 1941–1944 гг. в силу

сложившихся обстоятельств, еще действовали многие законы Эстонской Республики, и жизнь и работу в этой республике не считали преступлением, как это было при советской власти. Здесь прав Оскар Ангелус: «[...] что бы ни предпринимали немецкие оккупационные власти, с ними можно было разговаривать и торговаться, им можно было делать предложения и заявлять им протесты, не боясь ареста, репрессий, расстрела [...] всесторонне взвесив дело, можно было даже чего-то добиться. Большевики действовали иначе, и беда тем, кто пытался возвысить голос против безжалостного проведения «генеральной линии» и прочих «линий»».⁵ Разница и в том, что представители немецкой оккупации, как правило, были образованны и, общаясь с оккупированными, использовали правовые понятия в их собственных значениях.

В Малом театре дело также началось с поступившего в полицию безопасности доноса о том, что в театре, якобы, можно получить коммунистическую литературу. Об оружии речи пока не было, но в связи с наличием враждебной идеологии 22 сентября 1943 г. главный референт Э. Пярнсоо начал расследование.⁶ Сначала обыскали помещения театра, в которых, наряду с произведениями Маркса, Ленина и Сталина, обнаружили советские журналы и брошюрку, изданную в 1941 г. в начале войны «Правдой и оружием уничтожим фашизм». Кроме того, нашли разнообразное оружие, снаряды и патроны, часть из которых оказалась в боепригодном состоянии. В тот же день провели обыски дома у директора Каарела Сахка, реквизитора Валдека Хольда и драматурга Эдуарда Рейнинга. У Сахка не нашли ничего, Рейнинг сам выдал советские газеты и театральную литературу. На допросе 23 сентября Сахк пояснил, что оружие нужно для спектаклей, некоторым актерам приходится и стрелять, оружием занимается реквизитор, книги в хо-

² Там же, т. 3, л. 165 и далее.

³ A. Kungas. Sõja-aastate teatrielu üldkorraldus ja selle kaudjuhtimine. – Tallinna Pedagoogikaülikooli Toimetised. A 10. Humaniora. Kultuur Eestis sõja-aastail 1941–1944, Tallinn, 1998, lk. 79 и далее.

⁴ A. Roolah. Nii see oli... Perioodika, Tallinn, 1990, lk. 157 и далее.

⁵ O. Angelus. Tuhande valitseja maa, Olion, Tallinn. 1995, lk. 90.

⁶ ЕАА ф. R 65, оп. 1, д. 1756, л. 4 и далее.

роших переплетках использовались в бедные военные времена в качестве бутафории, и по приказу Сахка, их держали под замком.

Всех троих подозреваемых взяли под стражу и в тот же день отправили в заключение в Таллинский воспитательно-трудовой лагерь (т.е. в Батарейную тюрьму).⁷ На следующий день при допросе Рейнинга выяснилось, что в Эстонской Республике он был приговорен к 8 годам тюремного заключения за связь с декабрьским путчем 1924 г., но в 1929 г. был амнистирован с восстановлением во всех правах. Брошюру, по его словам, он забыл в ящике, часть книг принадлежит коллегам, уехавшим в советский тыл.⁸ Хольд объяснил, что находящееся в его распоряжении оружие он получил во время боев 1941 г. и зарегистрировал на свое имя, поскольку вступил в Омакайтсе. В театре нужно было огнестрельное оружие, кроме того, он сам принес в театр в качестве бутафории принадлежавшие эвакуированному зятю произведения Маркса, Ленина и Сталина...

При проверке выяснилось, что Хольда в списках Омакайтсе нет, а оружие не зарегистрировано. В написанном на немецком языке заключении по следствию для Сахка требуют 6 месяцев заключения, для Хольда – 1,5 года, а Рейнинга с его сомнительным прошлым, которому принадлежит и та несчастная брошюрка, предлагают интернировать «до окончания восточного похода», поскольку он может быть опасен для существующего режима. Но при этом сразу указываются смягчающие обстоятельства: он не занимался политикой в 1940 г.

Различий с более поздним процессом Исторического музея множество. Подозреваемые могут заявить все свои возражения, их пояснения по поводу их прошлого записаны в терминах, понятных обеим сторонам, можно использовать выражение «во время собственного государства» и т.д. Сразу же начинается и общение между находящимися в тюрьме и на воле, что в ходе советского предварительного следствия немыслимо. Через два дня главный

Научные сотрудники Исторического музея Херта Метсланг, Айли Поль, Лейда Мяги и Хельга Роос на Урале в Миасском лагере в 1948 г.

режиссер Энн Тоона запрашивает, нельзя ли ненадолго выпустить Хольда, чтобы тот передал материалы.

23 октября генерал-комиссару поступает ходатайство от Малого театра об освобождении Сахка, поскольку тот очень нужен на работе, «особенно сегодня, в связи с юбилеем Анны Тамм» (который в действительности приходился на 23 декабря). Ходатайствующие заявляли, что отдел ВІV полиции безопасности и прокурор препятствовать не будут – видимо, за обвиняемых где-то кто-то вступился (это утверждал и бывший тогда референтом безопасности Яан Перт).⁹ Возможность заступничества предполагает, что среди судей есть свои люди, что категорически исключалось при советской системе.

Кроме того, важно, что коллеги посмели вступить. Вместе с ходатайством театра было передано составленное 8 октября про-

⁷ Там же, ф. R 64, оп.1, д.106, л. 260.

⁸ Там же, ф. R 65, оп.1, д.1756, л. 14 и далее.

⁹ A. Roolaht, *op. cit.*, lk.158.

шение с 63 подписями, податели которого жаловались, что «уже 2 недели в Вашем распоряжении находится» директор театра, затем перечисляли его заслуги, рассказывали, как он предупреждал и уберегал коллег от мобилизации, и всегда защищал интересы театра. То же прошение было подано и по-немецки с 67 подписями. 11 ноября поступило ходатайство об окончании дела по обвинению Сахка, который был освобожден 15 декабря.¹⁰

11 ноября Рейнингу и Хольду было предъявлено обвинение. Хольду инкриминировалось незаконное хранение оружие и литературы, Рейнинг обвинялся в сознательном хранении коммунистической литературы. 25 ноября в полицию безопасности поступает обращение жены Рейнинга, которая жалуется на то, что отобрали книги, полученные через книжные магазины Эстонской Республики. Она просит отпустить мужа до суда, предлагая ручательство Б. Ростфельда и Пауля Олака, следовательно, и они готовы были вмешаться. 4 декабря мать Хольда просит отпустить сына, поскольку Хольд вдовец, и за двумя его детьми приходится ухаживать его матери. Местное отделение женской организации, в которую входит мать Хольда, подтверждает, что Хольды – уважаемая семья. Обвиняемых не освобождают, но и с просителями и ходатаями ничего не случается.

20 декабря вызов в суд получили уже освобожденный Сахк и Хольд с Рейнингом. На заседании суда у обвиняемых есть адвокаты: у Хольда – Грау, у Рейнинга – Бергманн, защита вызвала и свидетелей. Свидетель Хольда Сеймре показал, что в первые дни после освобождения, возможно, не выдавали разрешений на ношение оружия. Свидетель Рейнинга утверждал, что у того нет коммунистических настроений и что он скрывал от коммунистов своего родственника – «лесного брата». Адвокат Хольда предъявил суду оформленное задним числом разрешение

на оружие,¹¹ в котором штаб Омакайтсе сообщал, что Хольд имеет право пользоваться оружием, выданным 30 августа 1941 г.; документ удостоверяли две неразборчивые карандашные подписи и печать собрания сверхсрочников министерства обороны ЭР!

Требования прокуратуры стали намного мягче: Рейнингу – 8 месяцев, Хольду – 6 месяцев и 14 дней. В пользу Рейнинга свидетельствовал теперь тот факт, что в 1941 г. его уволили из «Эстонии» за то, что он просил в тюрьме о помиловании. Адвокат Хольда указывал на разрешение на оружие. С длинным обзором выступил В. Меттус, поясняя, что инкриминируемая литература – не коммунистическая, а специальная, он даже «чистил» анкету И. Эренбурга, говоря, что его ранние – «белогвардейские» – произведения изданы русским эмигрантским издательством и ни словом не упоминал его запретную национальность!¹² Суд отметил, что коммунистическая литература могла нанести вред «слабым характерам» и книги следовало бы сдать. Защита уверяла, что это – беспечность, что Сахк приказал убрать книги, но поскольку Хольд русским языком не владеет, он толком не понял, в чем дело. В результате Хольда и Рейнинга приговорили к 4 месяцам заключения с зачетом времени следствия.¹³ Адвокаты просили отпустить виновных домой на Рождество, и суд нашел возможным отсрочить отбывание оставшегося срока наказания (1 месяц и 2 дня) и отменить его, если обвиняемые будут до 20 декабря 1946 г. вести себя безупречно. Так что это дело, учитывая время действия, закончилось благополучно.

Верно рассудив, что нападение – лучшая защита, адвокат Рейнинга 18 февраля 1944 г. еще и подал ходатайство о возвращении книг по специальности,¹⁴ которые ему и возвратили, лишь «Правдой и оружием...» осталась в судебном деле в качестве вещественного доказательства. О воинственности театрального народа говорит еще одна записка, несколько

¹⁰ ERA ф. R 65, оп. 1, д. 1756, л. 55.

¹¹ Там же, л. 153.

¹² Там же, л. 137.

¹³ Там же, л. 138 и далее.

¹⁴ Там же, л. 155.

напоминающая донос.¹⁵ 31 декабря 1943 г. референт Хольд сообщал, что все обвиняемые вновь на службе. После освобождения Сахк провел основательный допрос, чтобы установить, кто является доносителем. Каких-то женщин он мучил три часа, и одна упала в обморок! Таким образом, в связи с этим делом на помощь трем обвиняемым посмели прийти около ста человек, они давали подписи, свидетельствовали, писали сомнительные справки, т. е. рисковали.

Ничего подобного в советской системе предпринимать уже не стоило. Если где-нибудь в деревне еще сохранялось чувство коллективизма и способность действовать сообща, то ничем хорошим это не кончалось. Выступая на VIII пленуме ЦК КП(б)Э, народный комиссар внутренних дел Резев говорил о возмутительном случае: МВД получило из рыболовецкого колхоза волости Карузе письмо с 27 подписями в защиту пяти арестованных колхозников, а через месяц из другого колхоза той же волости пришло письмо с 33 подписями в защиту еще одного «предателя родины». Ходатайства сразу же направили в органы безопасности, и Резев потребовал провести разъяснительную работу о «недозволенности защищать предателей нашей родины и интересоваться их дальнейшей судьбой»: «[...] так мы дождемся ходатайств [...] за предателей [...] от целого уезда, от всей республики [...] Это новая форма проявления вражеской пропаганды, на которую следует реагировать по всем статьям».¹⁶ Яснее не скажешь, органы не ошибаются...

Система, утверждающая неоспоримую правоту органов госбезопасности, сложилась в Советском Союзе уже на потребу процессов 1930-х гг. Об этом выразительно свидетельствует сцена из романа А. Рыбакова «Дети Арбата». Друзья собираются направить в органы письмо на защиту арестованного школьного товарища. Но один из них говорит: «Саша даже не узнает о нашем письме. Наоборот, его начнут спрашивать о каждом из нас, и это только затруднит его положе-

ние». И друзья отказываются от этой мысли, чувствуя себя предателями и трусами.¹⁷

Процесс Исторического музея также нашел литературное отражение в романе Я. Кросса «Раскопки», только действие перенесено в театр. Я. Кросс сказал автору этой статьи, что не знал о случае в Малом театре. Знали ли работники музея о том, что нечто подобное произошло в годы немецкой оккупации, выяснять уже поздно. Мне удалось спросить об этом только у А. Вайка, который ничего не знал.

Работа и настроения в Историческом музее до ареста

Что делали работники Исторического музея с осени 1944 г., с захвата Таллина, до апреля 1945 г.? Как идеологическое учреждение музей возобновил работу сразу же 23 сентября, т. е. просто продолжил с новым руководством и несколькими новыми работниками. Часть работников проработала все время войны, кто-то – начиная с 1940–41 гг., когда советские оккупационные власти создали Музей истории и революции путем объединения Провинциального музея балтийских немцев и музея Освободительной войны. Первейшей задачей было собрать брошенные прежними оккупантами материалы, имеющие историческую ценность, – фотографии из газетных редакций, плакаты, несожженные документы немецких директорий, лишившиеся хозяев библиотеки, в т. ч. собрание Литцманна из Кадрюрского дворца. Работники Исторического музея одними из первых собрали то, что сохранилось от концлагеря в Клоога. Собственные ценные коллекции музея, укрытые в башне Кик-ин-де-Кёк, работники умело защищали от вывоза в Германию. Ящики с книгами (100 000 книг) были еще не распакованы, под ними сложили оружие – экспонаты музея Освободительной войны, – собранное после боев 1940–41 гг., и музейную коллек-

¹⁵ Там же, л. 146.

¹⁶ ЕК(б)Р КК VIII pleenumi stenogramm. – Akadeemia 1999, nr. 8, lk. 1768 и далее.

¹⁷ А. Рыбаков. Дети Арбата. Ээсти Раамат, Таллинн, 1988, с. 148.

цию серебра. Работники музея – учреждения, призванного сохранять исторические ценности, пытались выполнять свой профессиональный долг и в новых условиях. Они знали о бюрократических требованиях, у них были разрешения на деятельность от наркомата просвещения, от совнаркома и от руководящего и направляющего Центрального комитета КП(б)Э.¹⁸

По распоряжению новой власти, музею следовало к весне в честь очередной годовщины «освобождения» организовать выставку на тему Великой Отечественной войны. Экспонаты выставки – как советское, так и немецкое трофейное оружие – по рекомендации Совета народных комиссаров начали добывать через начальника Ленинградского военного округа. К первому секретарю ЦК КП(б)Э Н. Каротамму обратились за содействием в получении документов и предметов Эстонского корпуса. О переданном оружии сказано, что оно в требуемом порядке сделано непригодным к использованию, если же выяснится, что часть пригодна, то оружие будет испорчено уже в музее.

Такова повседневная работа музея. Но не стоит забывать, какое было время. Война продолжалась. Хотя судьбу Прибалтики союзники решили уже в 1943 г. в Тегеране, в Эстонии еще надеялись на возможность сюрпризов, на то, что выбор сделан не окончательно, что есть еще Атлантический договор... Работники музея были давно знакомы между собой, они – историки, многие – члены «Вельесто» [студенческое общество, созданное в Тарту в 1920 г. – *Прим. пер.*], люди, интересующиеся мировой политикой и думающие о будущем родины. Понятно, что они беспрерывно обсуждали возможные будущие события, слушали передачи зарубежных радиостанций и пытались подавить пессимизм и настроения конца света. Атмосферу этого времени и фантастические слухи документирует дневник Яана Рооса: «Даже скептики и разумные люди готовы верить в

утешительные слухи о том, что Крымская конференция завершилась признанием независимости Прибалтики, что в Балтийское море вошел английский флот, что выдвинуто требование о выводе советских войск из Финляндии в течение 24 часов и т.д.»¹⁹

Атмосфера отчаянных заклинаний царит и в Историческом музее. Одна из тем для обсуждений – что делать работникам музея в случае, если вдруг вспыхнет конфликт между Советским Союзом и его прежними союзниками. Поскольку за пять лет под разными хозяевами работники музея уже привыкли к гражданскому неповиновению, они решили, что их задача – не допустить вывоза музейного собрания. Доставляя и готовя к выставке оружие, они поговаривали, что его можно было бы при необходимости и использовать. Эта игра особенно захватывает научного директора Хельмута Таранда, веселый задиристый характер и фрондерство которого никак не подходят для нового жестокого времени. Хотя он уже побывал в объездах КГБ, он продолжал проделки в прежнем стиле, его соратники по «Вельесто» просто привыкли к нему и не воспринимали чересчур серьезно.

Процесс запускается

Разговоры интересных и умных старших коллег пересказывает дома в своем кругу самая младшая работница музея Дагмар Суурорг. Видимо, в кругу ее знакомых был кто-то, кто информировал органы о сомнительных разговорах. И следствие начинается на основании заведенного во 2-ом отделе КГБ архивного дела 6738. В ходе повторного расследования в 1958 г. было сделано резюме,²⁰ в котором говорится, что Дагмар Суурорг, Алийде Кулгевеэ, Сента Аавик, Ааре Палмре и Альфред Пламус собирались в квартире Кулгевеэ и вели антисоветские разговоры. Первое сообщение поступило уже 20 января 1945 г.: из работников Исто-

¹⁸ Архив Исторического Музея (АМА), ф. 149, оп. 1, д. 11, л. 12; д. 10, л. 4 (ходатайство о разрешении на хранение оружия); д. 11, л. 16 (разрешение собирать литературу).

¹⁹ J. Roos. Läbi punase öö. I, lk. 124, 164.

²⁰ ERAF, ф. 129, оп. 1, д. 18384, т. 3, л. 165 и далее.

рического музея зарубежными радиопередачами интересуются Суурорг, Кулгевез и еще какая-то девушка, имени которой доносчик не знает. А Пламус (который напрямую не связан с музеем, он живет с Суурорг в свободном браке и снабжает продуктами кухню музея), якобы, распространяет провокационные слухи: он сказал доносчику, что в Финляндии есть английские базы и можно ожидать конфликта между союзниками. 2 апреля Пламус говорил, что от русских потребовали немедленно эвакуироваться из Финляндии. Те же слухи содержатся и в дневнике Рооса, что свидетельствует об их широком распространении.

Во время одной беседы, происходившей в квартире Суурорг, где присутствовали Пламус, Кулгевез и, вероятно, филер, говорили, что работник музея Таранд написал много стихотворений антисоветского содержания, которые Кулгевез характеризует так: «Если бы хоть одно попало в руки КГБ, не сносить ему головы». 24 апреля доносчик сообщает, что 19 апреля в квартире Кулгевез между Суурорг, Кулгевез и отцом Кулгевез Рихардом Лаатсом происходила очередная политическая беседа, в которой Суурорг и Лаатс выражали надежду на то, что Англия и Америка спасут эстонский народ. Суурорг считает, что эстонцы и сами должны сыграть какую-то роль, однако следует соблюдать осторожность. Разговорчивая молодая женщина (беременная) рассуждала, что нельзя преждевременно начинать вооруженное выступление, надо дожидаться того, что произойдет у союзников, и лихо заявляла, что у нее есть два пистолета, а в Историческом музее много собранного оружия, которое, по мнению музейного механика, можно привести в порядок.

На этом терпение КГБ лопнуло, основные пункты «дела» о вооруженной организации были определены. В тот же день на документ наложена резолюция начальника 2-го отдела Назарова: выставить охрану у склада и задержать Суурорг, Пламуса, Кулгевез и Таранда. Есть добавление, что в деле имеются протоколы допросов обвиняемых Лооне, Поска, Таранда, Суурорг и Петерсона, а также протоколы допросов Виктора и Алийде Кулгевез,

которых в нашем распоряжении, к сожалению, нет.

Следует добавить для характеристики действующих лиц, что Алийде Кулгевез, в девичестве Лаатс, только что вышла замуж за вернувшегося из Красной армии Виктора Кулгевез. В то время это – защитный фактор, который вкупе с чистосердечным признанием спасет ее от процесса. Она работала в Историческом музее бухгалтером с 1940 г. и была ровесницей и, по ее словам, близкой подругой Суурорг. С этим кругом связан еще Эндель Кярнер, вернувшийся из Эстонского корпуса и короткое время снимавший квартиру у матери Суурорг. Его имени в донесениях нет. Доносчик, по-видимому, был тесно связан с этим кругом, раз он присутствовал на стольких встречах.

Таким образом, основной материал – разговоры, радиопередачи, оружие – для начала дела по обвинению у КГБ имеется. О запрещенной литературе, кроме стихов Таранда, речи пока нет. Никакой злонамеренной конструкции еще не просматривается, но все необходимое добавится в ходе следствия в зависимости от характера и поведения людей, попавших в эту мясорубку.

30 апреля арестовывают Суурорг и Пламуса, а также директора музея Лооне, научных сотрудников Уно Уссисоо и Таавета Поска. Органы работают по разным линиям и по разным обвинениям, так что Таранд арестован уже 26 апреля – за принадлежность к Омакайтсе. По тому же поводу его уже ненадолго арестовывали в ноябре 1944 г., но выпустили после трех-четырёх допросов, получив от него согласие на тайное сотрудничество с органами (которое он, видимо, осуществляет не очень усердно, но которое дает возможность оказывать на него давление). Вначале, видимо, неясно, кто будет входить в «дело». Задержанных допрашивают девять следователей, что свидетельствует об огромной загруженности органов. Появление в деле по обвинению антисоветской группы интеллигенции в качестве улики еще и оружия дает огромные возможности, свидетельство тому – два технических акта от 3 и 4 мая (когда 6 человек уже арестовано). В составлении акта от 3 мая участвовали представители

СМЕРШа, сотрудники КГБ и начальник арсенала 8-й армии, передававший оружие с отметкой о непригодности, и с одним из следующих примечаний: боек сбит, отсутствует ствол, пулеметные замки отсутствуют, не хватает деталей, без капсюля. Однако 4 мая следует составленное лейтенантом технических войск Ершовым техническое заключение,²¹ в котором акт из 26 пунктов утверждает, что «отсутствующие детали заменяемы, при наличии запчастей оружие можно использовать», а вместо испорченных бойков можно поставить новые. Особенно замечательно то, что, по его мнению, миномет, от которого имелся лишь ствол, можно использовать, достав к нему лафет и подставку, а к некоторому немецкому оружию можно подобрать детали отечественного производства. Далее Ершов указывал, что некоторые виды оружия в их теперешнем состоянии требуют стационарного ремонта, но в мастерской и при наличии умельцев их тоже можно отремонтировать, с примечанием, что это можно сделать и в организованной на месте легкой ремонтной мастерской.

Заключение написано так, как будто дело происходит на фронте в боевой обстановке, где необходимо вновь пустить оружие в действие. В таких условиях это, конечно, верно: что человек сломал, он сможет и починить. При таком «оптимизме» никакое оружие нельзя считать металлоломом. Но какое отношение к этому могут иметь гуманитарии из Исторического музея, семеро из которых – женщины?

После майских праздников арестовывают Линду Вилмре и 13 мая – Юхана Калмуса.

Теперь органы уже могут оформлять на арестованных документы и делают это по всем правилам. В «Деле» имеются: санкция прокурора с указанием времени (до минут!), резолюция министра (Борис Кумм), подписи начальников на постановлениях об аресте (начальник следственного отдела, печально знаменитый Идель Якобсон). Единственное,

что не совпадает, это даты. Документы на первую группу арестованных оформлены 7 и 8 мая, но арестованные сидят в тюрьме уже с 30 апреля. От органов никто отчета не требует, там даты верные. Отметка об обыске в тюрьме, квитанции об изъятии личных вещей, направления в камеры или боксы (т.н. талоны вызова, в которых охранник отмечает, что заключенный выведен из камеры на допрос к следователю) – все от 30 апреля.

Считается, что начиная с какой-то должности, уровня известности арестованного интеллигента, его арест должен был санкционировать ЦК КП(б)Э (П. Киппар утверждает, что это было обязательно, В. Охман считает скорее исключением²²). При царившей в органах неразберихе обязательным правилом это, вероятно, не было. На арест Лооне, Вилмре, Уссисоо и Калмуса согласие дал один из секретарей ЦК Савинов, на арест группы научных сотрудников в июле дал согласие Каротамм. Однако хорошо заметно тесное сотрудничество и обмен информацией между партией и органами. Уже 23 мая 1945 г., когда арестованы восемь работников Исторического музея, и в нормальном правовом государстве еще не могло бы быть ясно, виновны ли они, проходит заседание бюро ЦК КП(б)Э, в решении которого «Об обстановке в Историческом музее города Таллинна» говорится, что арестована группа сотрудников этого учреждения, а это значит, что в аппарат музея пробрались антисоветские элементы, которые в «доброжелательном свете» изображали деятельность оккупантов. Вице-председатель Совнаркома Ниголь Андресен получает выговор за «политическое упущение», которое привело к тому, что большое количество боевого оружия попало в руки врагов народа. В ближайшее время следует укомплектовать аппарат политически надежными людьми. Осенью очередной директор докладывает: персонал укомплектован восьмью научными сотрудниками, которые не имеют соответствующей подготовки.²⁴ Выс-

²¹ Там же, т. 2, л. 188 и далее.

²² V. Ohmann. Johannes Vares-Barbaruse kompartei esitatud elulugu ja tema saatus. – Tuna 2002, nr. 1, lk. 74.

²³ ERAF ф. 1, оп. 4, д. 184. – *EK(b)P büroo istungi protokoll nr. 109, 23. mai 1945*, л. 41–42.

²⁴ АМА, ф. 149, оп. 3, д. 3, л. 9.

шим образованием никто не обременен...

Грех уже объявленного врагом народа Андресена упоминается еще и в докладе Дмитрия Кузьмина на VIII пленуме,²⁵ в котором содержатся упреки Каротамму, который не относился принципиально к подобным Андресену и Круусу. Вопрос Андресена обсуждался на бюро ЦК, однако его не арестовали и из партии не исключили.

Отношения Андресена с его бывшими идейными соратниками двойственны. Пожив во время войны в советском тылу, Андресен знает, какова эта власть. Но в январе 1945 г. к нему за советом приходит его бывший ученик Таранд, который спрашивает, не совершить ли ему самоубийство, потому что он не хочет быть агентом. Андресен осторожно советует ему ни на кого не наговаривать и заявить органам, что эта работа ему не подходит. По данным Таранда, Моора говорил, что его отпустили после ареста благодаря заступничеству Андресена.²⁶ Анн Марксоо вспоминает, как фиктивная справка Андресена спасла ее брата, служившего в немецкой армии.²⁷ Андресену недолго удавалось лавировать между двумя лагерями, но то поколение невозможно оценивать по черно-белой шкале.

В отношении работников Исторического музея нельзя говорить ни о каких группировках: несмотря на споры, работники были единым обществом, с одинаковым образованием и культурным фоном. Они знали биографии друг друга и (к несчастью) неподходящие для новой власти обстоятельства в них. В повседневной жизни они свободно выражали свои мнения, не стесняясь и директора. Теперь, под стражей, они все – по одиночке, лицом к лицу с представителями новой власти, для которых они – представители другого лагеря и априори враги. Чтобы понять их дальнейшее поведение, следует учитывать, что они, как правило, не знали, что вообще считается виной в новой системе, они говорили то, что сразу обращалось против них. Они ведь еще не слышали рассказов вернувшихся. Однако,

среди них, вероятно, были распространены мифы времен репрессий в СССР в 1930-х гг.: надо признаваться во всевозможных абсурдных делах, тогда могут оставить в покое. Если речь не идет о подземном ходе до Дели (как в «Раскаянии»), то мелочи сходят за правду... По этому шаблону действовал в романе Я. Кросса «Раскопки» магистр Тальтс, прототипом которого послужил Хельмут Таранд. Другой миф – надо называть как можно больше имен: знакомых, далеких знакомых, известных людей – всех не пересажаяешь. Последствия могли быть только печальными. Органы выбирали из списка кого-то подходящего и предъявляли ему обвинение на основании данных показаний. Еще одна распространенная ошибка: арестованные думали, что вынужденные показания можно опровергнуть в суде, отказаться от них. Однако суда все нет и нет, изменить показания может только какой-нибудь упрямец, которого допрашивают повторно, если тот, кого он оговорил, все отрицает и требует очной ставки.

Вопрос о достоверности протоколов сложен. Нельзя сказать, что все они сфабрикованы следователем, а обвиняемый только их подписывал: протоколы слишком разные, с личными деталями, которых следователь выдумать не мог. Для следствия этот материал необходим: то, что сказал один, используют против другого; имена людей, не входящих в соответствующую группу, подчеркивают – пригодятся (случай Андресена). Если человек все время все отрицает, так и записывают. Естественно, стиль и политическая лексика принадлежат следователю, фразы записываются не дословно: после многочасового допроса следователь записывал то, что считал нужным, и получал подпись. Большинство задержанных говорят через переводчика, даже если владеют русским, – так остается больше времени на размышления. Молодые работники (Х. Роос и Кросс), которые слабее владели русским, говорили, что когда пере-

²⁵ EK(b)P VIII pleenumi stenogramm. – Akadeemia 1999, nr. 7, lk. 1562.

²⁶ ERAF ф. 129, оп. 1, д. 18384, т. 1, л. 43.

²⁷ A. Marksoo. Nõukogude luureorganitega seotud ajalugu ja allikakriitika Harri Moora juhtumi näitel.

водчик зачитывал по-эстонски протокол, они не знали, что на самом деле записано по-русски, под чем они подписывались.

Коротко говоря, разные следователи немало добились от своих подследственных, прежде чем материалы перешли 9 июня к следователю Дадкову. Первые сохранившиеся протоколы – это допросы Т. Поска 1 и 2 мая,²⁸ до оформления осмотра оружия. Следователь Савликов спрашивает его как давнего работника о событиях времен немецкой оккупации: кого арестовали, известны ли виновные. Затем спрашивает о его работе, Поска отвечает, что занимался подготовкой выставки, распоряжения получал от Лооне и Уссисоо, антисоветских высказываний от них не слышал. Оружие привезли в музей по распоряжению Лооне только для выставки, других целей не было. В ответ на требование подробно рассказать об антисоветской группе он говорит, что ничего о ней не знает. Сохранился талон вызова от 3 мая,²⁹ согласно которому Лооне имела трехчасовую беседу со следователем Беляевым, содержание беседы неизвестно, возможно, новые вопросы к Поска брали начало оттуда.

От 5 мая сохранился протокол первого допроса Уссисоо,³⁰ в котором он говорит, что проработал всего 5 месяцев и плохо знает сотрудников. Следователь задает вопрос о нелегальных встречах в конце марта и начале апреля (эти две даты появляются здесь впервые, дело номер 6738 оснований для них не дает). Уссисоо говорит, что разговаривал тогда с Тарандом и Калмусом, которые, якобы, слушали радио, называет и темы, которые, видимо, считает весьма невинными: конференция в Сан-Франциско, выступление Рэя (Аугуст Рэй – премьер-министр эмигрантского правительства Эстонии, представлявший балтийские государства на послевоенных международных конференциях), и то, что после окончания

войны возможен конфликт между Англией и Советским Союзом.

7 мая оформлен первый протокол с признаниями Лооне.³¹ Беляев говорит, что у следствия есть данные о том, что в музее систематически обсуждались политические вопросы в антисоветском духе. Лооне соглашается и говорит, что инициатором чаще всего был Таранд, уточняет, что в конце марта обсуждали возможность конфликта между СССР и Англией, который может вывести советскую власть из Прибалтики, затем обсуждали слух (широко распространенный), что новый президент США Трумэн родом с Хийумаа и т.д. Дата – конец марта, затем она постоянно обсуждалась, 27 марта – день рождения Линды Вилмре, на котором, естественно, обсуждались все обнадеживающие слухи. На вопрос, почему в музее была «фашистская» литература, Лооне отвечает, что ее собирали как исторический материал и собирались использовать на выставке. Следователь не понимает, как можно выставлять вражеский материал («использовать портрет Гитлера и снимки эсэсовцев?»). На вопрос о состоянии оружия Лооне отвечает, что она не специалист, но если следователь хочет знать, собирались ли использовать оружие в антисоветских целях, то при распаковывании оружия произошел смешной случай: Лооне сказала Таранду, что оно все равно не стреляет, а тот ответил «если надо, будет стрелять», и больше на эту тему не говорили. Следователь заканчивает допрос словами «вы лжете».

Следующая жертва – допрошенная 8 мая Суурорг, беременная на шестом месяце,³² которую перед этим восемь дней продержали в боксе и которая, видимо, абсолютно напуганная, говорит все, что хочет следователь Филиппов: были враждебные разговоры, Лооне говорила, что видела на вокзале 40 вагонов, предназначенных, по ее мнению, для депортации, что Таранд слушает радио... Видимо,

²⁸ ERAF ф. 129, д. 18384, т. 1, л. 60 и далее.

²⁹ Там же, (без нумерации), т. 2, л. 34.

³⁰ Там же, т. 2, л. 12 и далее.

³¹ Там же, т. 1, л. 128 и далее.

³² Там же, т. 1, л. 205 и далее.

она послушно повторяет сведения из начального досье, которые ей выкладывает следователь. О «нелегальных» собраниях Суурорг говорит, что она там не была, ее отсылали. Подготовка к восстанию, якобы, обсуждалась на собрании в начале апреля, когда Таранд сказал, что надо дожидаться подходящего момента. А Калмус как будто говорил, что оружие следует промыть в керосине – все это преподносится на последующих допросах как явная подготовка к вооруженному восстанию... Суурорг уже упоминала при доносчике о своем оружии, поэтому теперь она объясняет, что видела у Пламуса оружие еще в годы немецкой оккупации и добавляет, что Таранд говорил о плане сбежать в Швецию. Допрос прерывают.

В эти дни происходит еще одно незначимое для этой страны событие – кончается война. В учреждениях проводятся митинги, но о радующейся толпе на улицах не пишет ни один мемуарист... Я. Роос: «Нигде не видно настоящего или искреннего воодушевления по поводу мира. Для нас это никакой не мир».³³

10 мая следователь Вязичик (?) снова допрашивает Уссисоо.³⁴ Задается вопрос: «Вы сказали, что были на собраниях организации антисоветского восстания [...] когда вас в нее втянули?» Уссисоо отвечает, что ничего не знает о ее существовании, они просто слушали радио и обсуждали политические вопросы, называет присутствовавших – Таранда, Калмуса, Лооне, Суурорг, Вилмре, больше не помнит. Следователь утверждает, что они обсуждали войну между Англией и СССР и свободную Эстонию. Уссисоо соглашается на свободную Эстонию, больше ничего не помнит. По поводу оружия он говорит, что оно было только для выставки. Стиль бесед между следователем и допрашиваемым Уссисоо описывал в ходе исследования 1957 г.: он сказал следователю, что он не буржуазный националист, на что следователь возразил:

«Если вы жили 20 лет в буржуазной Эстонии, значит вы буржуазный националист».³⁵

14 мая у следователей было работы много. Следователь Семькин предъявляет Таранду обвинение³⁶ и допрашивает его, но только по вопросу Омакайтсе, так что все участники будущего процесса еще не выяснены. Материалы Таранда открывает протокол от 16 ноября 1944 г., в котором он говорит, что вступил в Омакайтсе добровольно, ему подчинялись 200 человек, он лично руководил облавой, но никого не поймали. Некоторые люди, попавшие в тиски органов, преувеличивают, то ли выражая свое противостояние и презрение, то ли под давлением следователя (поскольку за этим следует согласие на сотрудничество). Во всяком случае, 14 мая Таранд признает себя виновным частично, он, якобы, вступил в Омакайтсе во избежание мобилизации, в облавах не участвовал, занимался канцелярской работой. Он перечисляет имена, но говорит, что тех, кого он знает, он уже называл в прежних собственноручно написанных показаниях. В изначальном досье действительно есть протоколы допроса Таранда, они должны были бы касаться Исторического музея, но при других допросах его имя в качестве источника сведений не упоминается.

В тот же день составлены и протоколы допросов Алийде Кулгевез и Энделя Кярнера. Кулгевез³⁷ при всех властях была бухгалтером и может объяснить следователю, где и как доставали литературу и фотографии. Следователь не знает местных обстоятельств, ему кажется сомнительным, что снимки покупают у частных фотографов, и он несколько раз переспрашивает, платили ли за это из государственных средств. Однако о подруге Суурорг Кулгевез знает, что она вела антисоветские разговоры с Тарандом и «систематически проявляет антисоветские настроения». О Лооне Суурорг, по данным Кулгевез, говорила, что ее бояться не надо, при ней можно обсуждать антисоветские темы, она об этом

³³ J. Roos, *op. cit.*, lk. 156.

³⁴ ERAF, ф. 129, д. 18384, т. 2, л. 14 и далее.

³⁵ Там же, т. 3, л. 70 и далее.

³⁶ Там же, т. 1, л. 11 и далее.

³⁷ Там же, т. 2, л. 150 и далее.

никому никогда не расскажет. Таранд писал антисоветские стихи и входил в Омакайтсе – в общем, та же информация, что и в начальном досье.

Сержант Эндель Кярнер,³⁸ преподаватель военного дела 17-й неполной средней школы, бывал в квартире матери Дагмар Суурорг Тийу, где ему постоянно приходилось слышать антисоветские разговоры, а Т. С. говорила, что к рождеству советской власти в Эстонии уже не будет. На просьбу уточнить Кярнер отвечал, что живет там всего четыре дня и точнее не знает. Значит, люди еще не скрывали своих взглядов от полужнакомых людей. На вопрос о Пламусе Кярнер пояснил, что знает его с 1938 г. Он тоже говорил, что советская власть здесь не задержится, а сейчас Пламус занимается спекуляцией. В гости к Суурорг приходит и сестра Пламуса Хельми Везрус, муж которой арестован за диверсию на железной дороге, она тоже «выражала недовольство Советским Союзом».

При доследовании 1958 г. с протоколами возникли сложности. Отмечалось, что Суурорг разоблачена благодаря показаниям Кулгевез и Кярнера, но ее арестовали двумя неделями ранее, т. е. до показаний свидетелей. Следователь Андрей Семенович Филиппов, тогда уже отставной, чистосердечно объяснял, что быть этого не может, санкцию давали КГБ и заместитель военного прокурора НКВД, но куда делись эти разоблачающие материалы – уже не помнит.³⁹ Видимо, он был прав, в деле есть показания и Алийде Кулгевез, и Виктора Кулгевез. Это показывает, в каком беспорядке были материалы у органов в период повальных арестов. К 14 мая у Кулгевез было две недели для того, чтобы осознать опасность дела, посоветоваться с мужем и дистанцироваться от попавших под удар.

Протокол допроса Альфреда Пламуса,⁴⁰ втянутого в дело Исторического музея только

из-за круга знакомств и личных отношений, датирован 28 мая. Обвинение ему предъявлено несколько иное: «находясь в преступных связях с участниками группы восстания», он участвовал в собраниях членов группы в квартире Суурорг и незаконно хранил оружие. Большинство работников музея он вообще не знает, о Суурорг говорит, что «флиртует» с ней, он привозил в музей продукты, получал для этого командировку, причиной ареста считает нарушение паспортного режима. На вопрос, где его оружие, Пламус отвечает, что у него его никогда не было, и когда ему зачитывают показания Суурорг, он продолжает отрицать. Он один из самых упрямых обвиняемых, его не могут заставить согласиться с обвинениями... Он остается при своем и на очной ставке с Суурорг (которая находится на последних неделях беременности, родит 4 августа)⁴¹ 10 июля, говоря, что оружие, которое девушка когда-то видела, принадлежало одному немецкому офицеру, который однажды забыл его ненадолго, и отрицает, что слышал антисоветские разговоры. После этой напряженной ситуации у Пламуса случился припадок (судебно-психиатрическая экспертиза диагностировала вазомоторные нарушения нервной системы), но обвинений он не признал. Финал этой тюремной истории любви таков: 21 октября 1946 г. майор Прессманн ходатайствует, чтобы деньги Пламуса – 1650 рублей, а также золотую монету и кольцо по доверенности Пламуса передали Суурорг, т.к. решения о конфискации нет.⁴²

Невелик улов и следователя Наумова на допросе Линды Вилмре 3 июня.⁴³ Для начала ее спрашивают о «Вельесто», которую она называет национально настроенной организацией, где обучали культурному общению. Затем ее спрашивают об антисоветских собраниях в Тарту. Вильмре называет их семейными вечерами, об антисоветских собраниях

³⁸ Там же, л. 154.

³⁹ Там же, т. 3, л. 163 и далее.

⁴⁰ Там же, т. 1, л. 227 и далее.

⁴¹ Там же, т. 1, л. 241 и далее.

⁴² Там же, л. 240.

⁴³ Там же, т. 1, л. 188 и далее.

в музее она ничего не знает, просто Таранд и Лооне часто спорили об историческом материализме. Однако следователь уже знает, что Вильмре принимала участие в антисоветской организации, в которой обсуждалась борьба против советской власти. Вильмре стоит на своем: она на таких не бывала. На следующий день, 4 июня, ей одной из первых предъявляют обвинение: враждебные настроения, участие в организации, где обсуждалась борьба против советской власти. Вильмре себя виновной не признает, членом не была, на собрания не ходила – следователь так и записывает.

Протокол допроса Юхана Калмуса был составлен 5 июня.⁴⁴ Допрашивал его еще следователь Горков. Дадков же начал уже принимать дела, в тот день им был выписан талон на вызов Таранда⁴⁵, назначенный на время с 22.25 до 02.50. Протокол этого допроса не сохранился. Во время допроса Калмус стоял на своем. Несмотря на утверждения следователя, что следствию известно о его присутствии на антисоветских собраниях, он отвечал, что не помнит, чтобы там бывал.

Теперь были допрошены все арестованные, и следователи, видимо, решили, что тут может получиться настоящий групповой процесс. Обвиняемые по делу Исторического музея находятся в более трудном положении, чем, например, арестованные в это же время в Тарту работники университета, которые совершали свои преступления за кофе в гостях друг у друга. Работники музея не могут отрицать, что день за днем работали вместе, ответ на вопрос «с кем вы работали?» в протоколе превращается в перечисление соучастников. В музее действительно было оружие и литература. В интерпретации следователей рабочие собрания превращаются в нелегальные собрания, научные доклады – в антисоветскую пропаганду, следователи вообще не понимают, как можно говорить о фашистской оккупации в каком-нибудь научном докладе. Следствию надо, чтобы оружие использовалось для свержения советской власти. До сих

пор никто на это не согласился, поэтому надо действовать решительнее и добиться признаний. 9 июня следователь Григорий Петрович Дадков берет все материалы в свои руки и начинает энергично дополнять обвинение.

В первоначальных обвинительных заключениях для обвиняемых были предусмотрены ст. 58–1а – «предательство родины» и ст. 58–11 – «участие в контрреволюционных организациях». Теперь к этому следовало добавить ст. 58–2, в которой преступники планируют путем вооруженного восстания отделиться от Советского Союза. В советском уголовном кодексе ст. 58 позволяла «объять преступлением и в том случае, если ничего не делали, только строили планы. О том, что из процесса Исторического музея надеялись извлечь немало, свидетельствует тот факт, что обвиняемым не предлагали ст. 58–10 – «пропаганда или агитация, направленные на свержение или ослабление советской власти», в чем они наверняка были виновны. Но другие статьи – эффективнее (в 1958 г. обвинения были переклассифицированы, и после отбытого наказания обвиняемым оставили ст. 58–10).

8 июня Дадков составляет обвинительное заключение Суурорг: нелегальные собрания, на которых обсуждалось вооруженное восстание, прослушивание радиопередач, обвиняемая знала о враждебной литературе. На следующий день Суурорг послушно его подписывает. 11 июня Дадков посвящает работке Лооне,⁴⁶ талоны вызова свидетельствуют, что она была в кабинете Дадкова с 12 до 17 часов, затем с 22 до 04.50 и 12 июня с 12 до 13.45. Из протоколов допросов Лооне видно, что результаты не вполне удовлетворяют Дадкова. Отвечая на вопросы следователя, Лооне характеризует «Вельесто», рассказывает о своих контактах во время немецкой оккупации с тартускими буржуазными националистами, которые приходили к ней в книжный магазин. В советское время Моора, Лепик и другие бывали в музее по делам, но

⁴⁴ ERAF ф. 129, д. 18384, т. 2, л. 31.

⁴⁵ Там же, т. 3, л. 170.

⁴⁶ Там же, т. 1, л. 132 и далее., (без нумерации), л. 18–19.

об их «подпольной буржуазно-националистической деятельности», как формулирует следователь, Лооне ничего не знает. Антисоветскую деятельность в Историческом музее Лооне, по-прежнему, отрицает. Из показаний Суурорг она соглашается только с тем, что в присутствии Суурорг говорили о возможности военного конфликта и распространяли клеветнические слухи о советской политике. Она, Лооне, говорила, что видела на вокзале 40 зарешеченных вагонов, предназначенных, по ее мнению, для депортации. Она не знает о том, что обсуждалось вооруженное восстание. Дадков продолжает утверждать, что это обсуждалось неоднократно, но Лооне отвечает, что она при этом не присутствовала. Оружие находилось в башне Кик-ин-де-Кёк, оно не учтено, разрешения нет, но оно хранилось для экспозиции. По поводу отчета Ершова о возможности ремонта оружия Лооне говорит, что она в оружии не разбирается, а утверждение, что его можно при необходимости отремонтировать, она приняла за шутку. В качестве директора она ведет себя совершенно нормально: серьезное намерение подчиненных свергнуть государство опасно для нее в первую очередь.

Затем почти не спавший следователь приступает к обработке Поска. Дадков тратит на него почти весь день, с 13.45 до 03.30 следующего дня.⁴⁷ Сначала Поска снова объясняет неясные моменты своей биографии, по поводу оружия утверждает, что оно неисправно. Когда ему предъявляют акт Ершова, он вдруг соглашается – да, можно отремонтировать, но почему оружие не просверлили, он не знает, за это отвечают Уссисоо, Лооне и Таранд. В Кик-ин-де-Кёк находится историческое оружие, однако он соглашается с утверждением следователя, что там боевое оружие, и говорит, что об этом знают и Лооне, Таранд, Уссисоо и Петерсон. Разрешения на оружие нет, т.к. его собирались использовать в качестве экспонатов. В ответ на вопрос, почему оружие не просверлено, следователь записывает фразу: «Должен признать, что собирались

использовать в предстоящей вооруженной борьбе против советской власти. В Историческом музее была группа, которая готовила свержение советской власти и реставрацию буржуазного режима». Между строками этого протокола ясно вычитывается «физическое и психическое воздействие». Во всяком случае, следователь получает показания Поска о том, что работники слушали радио и затем обсуждали будущее Эстонии, а в апреле в кабинете Лооне Таранд призывал к вооруженному восстанию, но отмечал, что надо подождать и соблюдать конспирацию. Руководителем группы Поска считает Таранда, имеющего, благодаря Омакайтсе, военный опыт. О связях с другими организациями или зарубежьем Поска не знает. На основании полученных показаний Дадков в тот же день составляет обвинительное заключение: входил в состав группы, хранил в башне боевое оружие, присутствовал на собраниях и собирал антисоветские материалы о большевистском терроре. Вечером 13 июня (22.30-00.30) он еще раз допрашивает Поска, который полностью соглашается с обвинением.

14 июня проводится первый обыск в Кик-ин-де-Кёк, в ходе которого допрашивают еще не арестованного Петерсона, имя которого уже звучало на допросах. У Петерсона спрашивают, кто ночевал в башне, он отвечает, что ночевал он сам, охраняя экспонаты. Об оружии он говорит, что это старые ружья, частью – деревянные муляжи из музея Освободительной войны. Больше его пока ни о чем не спрашивают, но 19 июня арестовывают.

15 июня в 10.30 Дадков приступает к допросу Таранда и после беседы, длившейся до 3 часов следующего дня, он может уже оформить нужную историю о группе, готовившей вооруженное восстание.⁴⁸ Возмущенный предыдущими допросами Таранд говорит, что был руководителем группы, члены которой под вывеской научных докладов вели антисоветские разговоры, перечисляет все темы и описывает, как сравнивали немецкую оккупацию с советским временем,

⁴⁷ Там же, т. 1, л. 63 и далее.

⁴⁸ Там же, т. 1, л. 4 и далее.

а на производственных совещаниях обсуждали вооруженное восстание. В случае восстания учитывали два варианта: если СССР под зарубежным давлением выведет свои войска, надо выступить в защиту музейных ценностей, если же начнется война, следует выступать, когда придет английский флот. Следователь не уточняет, действительно ли они, пятнадцать человек, собирались все это устроить, спрашивает только, были ли у них в Тарту сообщники. Таранд говорит, что разговаривал со своими знакомыми, но о восстании не говорил. А помощь ожидалась от националистически настроенной части Эстонского корпуса.*

В состав группы входят все работники музея, которых завербовал сам Таранд. Антисоветскую литературу и фотографии собирали, чтобы использовать для агитации и создания антисоветских настроений, с той же целью проводили и коллективные прослушивания радиопередач.

Эту кафкианскую историю обосновать нелегко. В «Раскопках» Кросса дается психологическое объяснение: герой хотел посмотреть, до чего может дойти абсурд, прежде чем мыльный пузырь лопнет.⁴⁹ Примерно то же утверждал и Таранд в 1958 г. («я стал признаваться, чтобы на суде была отчетливо видна глупость обвинения»⁵⁰). Однако пузырь не лопається, протокол перепечатывается на машинке, и последующие допросы всех участников цементируются его цитированием. Никто не знает, в чем уже сознался другой, каждый реагирует в соответствии с крепостью своих нервов, но Дадков ограни-

чивается тем, что требует от всех участников признания созданной наконец версии и дополнительных деталей для придания достоверности. Таранд остается в руках Дадкова с 16 до 22 июня, многочасовые допросы проводятся каждый день.

17 июня на помощь приглашен сам Идель Якобсон⁵¹. Однако протоколы имеются только за 18 и 19 июня. 18 июня⁵² Дадков хочет знать, как Таранд исполнял свои агентские обязанности, Таранд признает, что не доносил о группе Исторического музея – совесть не позволяла, он рассказывает и о беседе с Андресеном (это место в протоколе подчеркнуто) и говорит, что сказал некоторым коллегам, что он доносчик. Таким образом, нарушив все правила, он оказывается неподходящим сотрудником. При расследовании учетно-архивный отдел отвечает на соответствующий запрос,⁵³ что Таранд был секретным агентом с 26 ноября 1944 г., данных об исключении из сети нет, его дело № 1463 16 июля 1945 г. передано в архив, а 28 февраля 1955 г. уничтожено по истечении пятилетнего срока как не представляющее оперативного интереса. 19 июня⁵⁴ Таранда спрашивают о Петерсоне, и – поскольку он уже объявил себя руководителем группы – ему приходится подтвердить, что Петерсон был членом группы, знал об оружии, участвовал в собраниях. В тот же день оформляются документы на арест Петерсона, при допросе 22 июня выясняется, что и Петерсон спасся с «Ээстиранда». 23 июня⁵⁵ Дадков полностью посвящает ему время с 10.30 до 02.40. Петерсон отрицает антисоветскую

* Сразу после войны настроения в Эстонском корпусе не были однородными, привилегированными ветеранами они стали позже. Выражения их враждебности не раз упоминает Я. Роос (цит. соч., с. 145, 161, 292, 320). В докладе на VIII пленуме Александр Янус говорил, что бывшие офицеры «буржуазной Эстонии» не достойны доверия, говорил, что генерал Лукас пытался предотвратить участие артиллеристов Эстонского корпуса в наступательных боях, говоря, что «мы не хотим работать на дядю» (*Akadeemia* 1998, nr. 12, lk. 2681). В обвинительном заключении по делу Исторического музея говорится о плане привлечения корпуса, но без конкретных имен (т. 2, л. 247). Конечно, национальное вооруженное формирование не вписывалось в советскую систему. Это тема, достойная изучения.

⁴⁹ J. Kross. *Väljakaevamised*, Tallinn, 1988, lk. 37.

⁵⁰ ERAF ф. 129, д. 18384, т. 3, л. 20.

⁵¹ Там же, т. 3, л. 171.

⁵² Там же, т. 1, л. 36 и далее.

⁵³ Там же, т. 3, л. 183 и далее.

⁵⁴ Там же, т. 1, л. 38.

⁵⁵ Там же, т. 1, л. 101 и далее.

подрывную деятельность, но когда ему зачитывают показания Таранда от 15 июня, соглашается, что обсуждение докладов было антисоветским, а все работники входили в антисоветскую группу и дважды обсуждали вооруженное восстание. У Лооне, Таранда, Калмуса и Вилмре были связи с тартускими буржуазными националистами. 5 июля Петерсону предъявляют обвинение, в которое уже включена ст. 58-2 о вооруженной организации. Новые допросы уже допрошенных подследственных просты: они должны согласиться с цитатами из признаний Поска и Таранда, однако некоторые пытаются отвергаться. Уссисоо⁵⁶ говорит, что знал об оружии в башне, но не помнит обсуждения восстания. Вилмре, несмотря на цитаты из Петерсона, Поска и Таранда, отрицает, что при ней обсуждали вооруженное восстание.⁵⁷ Отрицают также Калмус⁵⁸ и Лооне⁵⁹. Здесь начинает вырисовываться отличное от других отношение к Лооне. В деле Исторического музея она до конца утверждает, что, насколько она знает, никакой вооруженной организации не было, и в окончательном обвинении она соглашается только с враждебными настроениями. Источником зла она считает Таранда, который, видимо, пугал ее своими разговорами. Сохранившиеся материалы не позволяют предположить, что она каким-то образом спровоцировала этот процесс. Правда, она якобы сказала: «Я сделаю все, чтобы вернуться к своему ребенку». (В беседе с автором Ааду Вайк характеризовал Лооне как чрезвычайно напуганного человека.) Видимо, летом она соглашается шпионить в камере. При допросе, в ответ на утверждения Лооне о том, что Дадков ее избивал, Дадков говорит, что Лооне была агентом органов безопасности и у Дадкова были с ней доверительные отношения. Допросы подтверждают – это правда,

Лооне использовали в качестве «подсадной утки».⁶⁰ Об этом свидетельствуют и талоны вызова Лооне – их 65⁶¹. С июля она бывала в кабинете Дадкова два раза в неделю, а протоколов в связи с делом музея всего несколько, визиты продолжаются и по окончании следствия. Работа проходит в не особенно приятной атмосфере, в июле и феврале Лооне сидит в карцере, в феврале 1946 г. в деле появляется справка о «прогрессирующей неврастении».⁶² Видимо, обязанности «подсадной утки» исполнялись под давлением запугиваний и обещаний.

По воспоминаниям вернувшихся, никто не обвинял друг друга за признания в результате избиений, никто не знает, как повел бы себя в аналогичной ситуации. Перестукиваясь между камерами, люди иногда пытались передать информацию. Шпиона исключали из камерного сообщества, о нем старались при возможности предупредить. Дополнительные обязанности Лооне не были секретом, а благодаря своему материнскому настрою она легко устанавливала контакт с молодыми напуганными девушками. (Об этом рассказывали автору статьи Линда Вилмре и Линда Аннист).

Следствию очень хотелось доказать связи группы Исторического музея с «тартускими буржуазными националистами», об этом свидетельствует имеющаяся в деле выдержка из допроса Х. Моора от 28 июня.⁶³ Моора говорит, что в Историческом музее оружие и литературу хранили еще в годы немецкой оккупации, для чего Поска организовал в башне склад оружия, о котором власти не знали, оружие собирались использовать, но не знали, когда для этого появится возможность. Вопросы об оружии поражают своей расплывчатостью и параноидальностью, следовательно просто надо, чтобы каждый работник признался, что знал о его наличии

⁵⁶ Там же, т. 2, л. 16 и далее.

⁵⁷ Там же, т. 1, л. 195.

⁵⁸ Там же, т. 2, л. 33.

⁵⁹ Там же, т. 1, л. 171.

⁶⁰ Там же, т. 3, л. 122.

⁶¹ Там же, т. без нумерации, л. 18–19, 33–96.

⁶² Там же, л. 22.

⁶³ Там же, т. 2, л. 163 и далее.

и о том, что его собираются использовать. Ни разу никого не спросили, умеет ли кто-то из женщин им пользоваться. Когда Поска вынужден выдавать очередной «тайник» с оружием, следователь и не хочет знать, что во время войны оружие надо было спрятать, что его вместе с серебром прятали под ящики с книгами или в какую-нибудь дыру в полу, которую засыпали песком.

Шестеро научных сотрудников музея Лээна Мяги, Айли Поол, Ааду Вайк, Хельга Роос, Аркадий Прозес и Херта Метсланг до сих пор оставались на свободе, теперь настает их черед. При расследовании Дадков говорил, что их арест был произведен в связи с международной обстановкой.⁶⁴ В действительности же эти имена так часто упоминались в показаниях главных обвиняемых, что их пришлось включить в преступную группировку. Можно, конечно, спросить, почему они как жертвенные ягнята ждали своей очереди, ведь, возможно, уход с работы мог бы кого-то спасти. Может, они не верили, что арестовать могут всех, или считали органы всемогущими? С работы увольняется многократно упоминавшаяся на допросах Нора Хумал (она входила и в «Вельесто»), причина – необходимость ухаживать за детьми,⁶⁵ и с ней ничего не случается, но, возможно, ее защищало имя мужа-профессора. Сначала Таранда, Поска и Лооне просят охарактеризовать всех шестерых,⁶⁶ и они в один голос утверждают, что те были соучастниками, добавляя ненужные факты: Вайк сдался в плен немцам, брат Роос арестован, Мяги – сестра генерала Торванда, ее сын арестован, а Прозес был шофером в СД (брошюра «Как вести себя на допросе» пошла бы им на пользу...). Следует, конечно, помнить о технике допроса: если один что-то сказал, то другому это преподносилось уже как факт, который следует просто подтвердить. Эту технику Пеэтер Тарвель описывает следователю,

отказываясь от предыдущих показаний: у следователя был список, он назвал одно имя, Тарвель сказал, что знает этого человека по работе. Когда на следующий день ему предъявили чистовик протокола, там стояло, что этот человек, по словам Тарвеля, был настроен антисоветски. Тарвель выразил протест, ему сказали, что сейчас ничего исправить невозможно, неточности исправят на следующем допросе, а протест не записали.⁶⁷

Последнюю группу арестовывают 19 июля, т.е. этой датой помечены постановления об аресте. Эти люди находятся в более трудном положении: обвинение уже подтверждено столькими показаниями, что оспорить невозможно. Несмотря на это, некоторые из них объясняют, что при них никаких планов восстания не обсуждали, что доклады были научные, при их обсуждении могли употребляться антисоветские выражения, что по радио слушали сообщения с фронтов еще во время войны, когда англичане были союзниками. Полностью все обвинения отрицает Метсланг, остальные – частично. По сути это ничего не меняет, все пункты обвинения и статьи они получают наравне с другими. Их борьба против лишних обвинений, вероятно, объясняется убеждением в индивидуальности обвинений, но в новом обществе это не действует. Метсланг отрицает, что в годы немецкой оккупации участвовала в подготовке выставки «Борьба Германии с Востоком», ей объясняют, что это не повлияет на окончательное решение в ее отношении. Линда Вилмре считала, что обвинение тягчалось тем, что она неоднократно говорила о своей поддержке Эстонской Республики и национальных настроениях.

В связи с этим делом надо упомянуть еще одно обстоятельство: в деле имеется рапорт (от 24 июля) работника следственного отдела Семькина, который просит передать ему квартиру арестованной Лээны Мяги⁶⁸ (жена

⁶⁴ Там же, т. 3, л. 122.

⁶⁵ Там же, т. 3, л. 156.

⁶⁶ Там же, т. 1, л. 39, 82, 173.

⁶⁷ ERAF ф. 129, д. 6193 (Linda Annist), л. 55.

⁶⁸ ERAF ф. 129, д. 18384, л. 221.

Семькина тоже работает в КГБ, и им придется ночевать в кабинете!). На следующий день на рапорт наложена положительная резолюция. 26 июля квартира передается по акту вместе со всеми вещами, которые Семькин берет «на хранение». Видимо, никто не опасался, что арестованная вернется. При просмотре решений о конфискации выяснилась комичная деталь: конфискации подлежало имущество людей, живших в отдельных квартирах в одиночку (Мяги, Петерсон, Метсланг).⁶⁹ Некоторые жили в съемных квартирах и у знакомых, так что взять с них было нечего.

Органы позаботились и о фронте работ на будущее: 25 октября 1945 г. составляется список людей, которые названы в показаниях обвиняемых в части «преступные связи».⁷⁰ Часть из них уже арестована, о других еще не собрано достаточно материалов, а поскольку нет смысла затягивать следствие, их дела выделяют в отдельное производство. В списке 26 имен, в т.ч. Нигол Андресен, Освальд Саадре, Ральф Парве, Феликс Роозе, Нора Хумал, т.е. все, о ком шла речь в какой-либо связи. Это давний прием органов: в делах арестованных в 1940–1941 гг. для этих целей имеется печатный бланк – «список лиц, о которых арестованный по делу дает компрометирующие показания»⁷¹.

В конце октября следствие было признано законченным, и материалы переданы особому совещанию⁷² с предложением дать всем мужчинам 10 лет, за исключением Пламуса, который, в действительности, с делом вообще не связан и который получил за «преступные связи» 4 года. Женщины получили по 8 лет, Хельга Роос – 5 лет, поскольку работала только с конца марта и не могла участвовать во всех преступлениях. Дагмар Суурорг и Лейда Лооне получили по 3 года, хотя параграфы обвинения у них

те же. Наказания до 3 лет по случаю окончания войны попадали под амнистию, так что они вышли на свободу весной 1946 г.⁷³ Остальных отправляют в разные лагеря, где все они отбывают свои сроки. Леэна Мяги умерла перед окончанием срока в Спасском Песчанлаге 16 февраля 1953 г. («острая токсическая дистрофия печени»),⁷⁴ других направили на поселение.

В 1957 г. начинается их реабилитация, все дело рассматривается снова, отмечается, что следствие велось поверхностно, базируясь только на показаниях Таранда, Поска, Петерсона и Суурорг, которых другие не подтвердили, следствие применяло методы «физического и психического воздействия».

17 января 1958 г. дело по обвинению за недостаточностью улик и отсутствием состава преступления закончено, однако пере квалифицировано в части ст. 58–10. Обвиняемые реабилитированы и могут окунуться в советскую жизнь.⁷⁵ В это время, вероятно, умирает Юхан Калмус: его последние ходатайства о реабилитации поступили из Таллинской онкологической больницы 9 и 16 апреля 1958 г., заверенную главврачом доверенность сам он написать был уже не в состоянии...⁷⁶

Так завершается один из многих послевоенных политических процессов над эстонской интеллигенцией. В обвинениях не было ничего конкретного, участники поначалу просто не понимали, что новая система осуждает мысль, которая может двигаться только в указанном партией направлении. В этом смысле они, конечно, были виновны перед новой властью, но наказание, как мне кажется, никого не заставило изменить свои убеждения. Исследование материалов следствия свидетельствует и о том, что органы использовали особенности

⁶⁹ Там же, л. 387 и далее.

⁷⁰ Там же, т. 2, л. 213 и далее.

⁷¹ ERAF ф. 129, д. 8183-Е, л. 24.

⁷² Там же.

⁷³ Там же, л. 142 и далее.

⁷⁴ Там же, т. 2, л. 288.

⁷⁵ Там же, т. 2, л. 284, л. 294.

⁷⁶ Там же, л. 340 и далее.

характеров людей. Безобидные в нормальных условиях болтливость, тщеславие, зависть и трусость в экстремальной ситуации могли стать роковыми для самих людей и их окружающих. Поэтому неверно изображать деятельность КГБ так, будто там все было известно и поименно запланировано, или же будто репрессиями против интеллигенции руководили конкретные враги, будь то хоть Макс Лаоссон. Большей частью следствие оперирует данными, полученными от самих арестованных. В послевоенные годы надежных местных кадров было мало, и те не блистали образованием (знающий местную ситуацию и язык Идель Якобсон был все же только портным). Пришлым мешал языковой барьер и незнание культурного фона. Попавшие в жернова параноидальной коммунистической тоталитарной системы местные интеллигенты были виноваты лишь в том, что были демократически убеждены в дозволенности разных точек зрения и дискуссий, они считали, что имеют право на свой язык, культуру и государство. Такими они были не приемлемы для системы, представляющей совершенно другую культуру.

В 1991 г. смехотворным образом опять-таки секретно (!) дело было окончательно закрыто за отсутствием состава преступления,⁷⁷ но этого момента успели дожидаться только четверо или пятеро оставшихся в живых участника процесса.

Иногда на основании недостаточных знаний, советских фильмов и душераздирающих мемуаров «кристально чистых чекистов» создается представление, что обвиненные испытывали моральные страдания из-за того, что советская власть считала их виновными, и очень радовались, когда реабилитация снимала с них груз вины. Конечно, они добивались реабилитации, чтобы избавиться от многочисленных ограничений, «черных списков», а не потому, что сердца их были разбиты недоверием партии.

⁷⁷ Там же, л. 332.

⁷⁸ Там же, л. 296.

⁷⁹ ERAF ф. 130, s. 6133, л. 13 и далее.

⁸⁰ ERAF ф. 129, s. 6193, л. 40 и далее.

В завершение надо упомянуть и представителя противной стороны – следователя Григория Петровича Дадкова (род. в 1913 г. в Белоруссии, белорус, образование высшее). При доследовании он категорически отрицал «физическое и психическое воздействие»,⁷⁸ хотя Поска, Петерсон, Калмус, Прозес, Вайк, Лооне и Метсланг утверждали, что он их бил. Видимо, тов. Дадков был специалистом именно по «раскалыванию» интеллигентов. В мае 1945 г. наряду со срочными таллинскими делами ему удалось получить длинное признание Хейти Тальвика.⁷⁹ 28 января 1946 г. он добивался (ломаю ребра) от Агнес Паюс⁸⁰ признания в распространении листовок. Несмотря на это, в 1946 г. его увольняют из органов за «служебное несоответствие», но не за избиения. Конкретных материалов о нем, к сожалению, нет. Возможно, на его нервную систему и политическое сознание повлияло общение с многочисленными интеллигентами, которые пытались ему что-то объяснить. Будучи человеком образованным, совсем глупым он быть не мог, может быть, он позволил себе какое-то «неслужебное» высказывание? С 1957 г. он работал юрисконсультom на базе Главторгодежды.

Сирье Аннист

1936

Архивариус Эстонского исторического музея.

Область исследований: история ментальности, послевоенная репрессивная политика.
sirje@eam.ee